

УДК 614.253.5:614.885(571.33)»1914/1918»

Иркутская Мариинская община сестер милосердия Красного Креста в годы Первой мировой войны

В. А. Шаламов

*Евразийский лингвистический институт Московского государственного
лингвистического университета, г. Иркутск*

Аннотация. На основе обширного архивного материала впервые освещается работа Иркутской Мариинской общины сестер милосердия в годы Первой мировой войны. Большое внимание уделяется комплектованию кадров. Особый акцент делается на работе сестер милосердия на фронте и в тылу. Также рассматривается преобразование общины, которые произошли после Февральской и Октябрьской революций.

Ключевые слова: Российское общество Красного Креста, Иркутская Мариинская община сестер милосердия, Первая мировая война, история здравоохранения Восточной Сибири.

Два года назад отмечался столетний юбилей с начала Первой мировой войны. В Иркутском регионе, как и по всей стране, появилось немало научных и публицистических работ, посвященных этой тематике. Однако неизбежная в таких случаях штурмовщина при подготовке материалов к круглой дате привела к тому, что ряд аспектов оказался за бортом интересов исследователей. Среди таких тем можно назвать и историю организаций Красного Креста, сыгравших далеко не последнюю роль в годы этого масштабного конфликта.

В имеющейся литературе содержатся сведения об участии иркутских подразделений в военных действиях, отмечаются подвиги отдельных людей, разбираются проблемы политической, хозяйственной и культурной жизни Иркутска в годы Первой мировой войны, но практически отсутствуют материалы, посвященные роли иркутских медицинских организаций в этих событиях, хотя именно оказание помощи раненым и больным является непременным атрибутом любой войны. Самой массовой организацией, подготовившей в период войны свыше четырехсот сестер милосердия, была Мариинская община Красного Креста.

В коллективной монографии «Иркутск и иркутяне в Первой мировой войне» [10] и сборнике документов из Государственного архива Иркутской области [14] информация о самой общине практически отсутствует. Имеются лишь отрывочные сведения, которые хороши при конкретизации отдельных разделов темы. То же самое можно сказать и про летопись Н. С. Романова [16]. История общины интересует общество, и периодически появляются небольшие статьи, во многом опирающиеся на упомянутую летопись

Романова, носящие публицистический или энциклопедический характер [1; 11; 15]. Даже крупнейшие обзорные работы по истории здравоохранения в Сибири не содержат сведений о деятельности организаций Красного Креста [12; 18]. Научной работы, построенной на архивной базе, дающей всестороннее представление по данной теме, на сегодняшний день не было обнаружено, что усиливает актуальность данной публикации.

История Мариинской общины Красного Креста в Иркутске уходит корнями в далекий 1868 г. Именно тогда при Восточно-Сибирском окружном управлении Российского общества Красного Креста была образована община, сестры милосердия которой отличились во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. В мирное время сестры трудились в военном госпитале, гражданских больницах, учебных заведениях и по частным домам. За дежурства в 1910 г. суточная оплата в среднем составляла 1 руб. Заработок сестры сдавали в общинную кассу. Обычно доход общины не превышал 7 тыс. руб. в год, поэтому управление так и не смогло изыскать средства для открытия собственной больницы или хотя бы амбулатории. Питание, одежда и небольшие суммы на карманные расходы выдавались сестрам за счет общины. Проживали они также сообща в двухэтажном доме по улице Дегтевской (ныне улица Российская).

В качестве управляющего органа выступал Попечительский совет. Среди постоянных членов этого совета стоит назвать врачей Д. Г. Гинзбург-Шика, Г. А. Бергмана, А. Ф. Красикова, фармацевта В. И. Балалыкина, купцов В. И. и А. А. Второвых, священника Троицкой церкви Николая Шергина. Более двадцати лет своей жизни отдал общине ее казначей С. А. Дружинин, когда-то высланный в Иркутск за революционную деятельность. Совет решал все основные вопросы, возникающие перед общиной во время общих заседаний. В довоенное время в общине числилось 19 сестер и 11 учениц [2, л. 37–38]. Они не могли оказывать влияния на решения Попечительского совета, что порой делало их положение невыносимым в случае конфликта с членами совета. Незадолго до начала войны председательницей Попечительского совета была избрана Евгения Николаевна Левберг – жена прокурора Иркутского окружного суда, потомственная дворянка. Она живо интересовалась делами общины и прилагала все силы для ее развития. Труд своих подопечных произвел на нее такое впечатление, что в 1916 г. она добровольно проходит обучение и выдерживает испытание на звание сестры милосердия военного времени, что позволило ей носить соответствующую форму и стать ближе к своим подопечным.

Начавшаяся летом 1914 г., как тогда говорили, Великая европейская война, все изменила. На фронт были отправлены не только военные, но и медицинский персонал. Врачам и фельдшерам большим подспорьем были заботливые руки сестер милосердия. На их обязанностях лежал уход за ранеными и больными, подача лекарства, кормление, наведение порядка и чистоты в палатах и операционных, а также всякая посильная помощь врачам. Попечительский совет общины был завален прошениями от добро-

вольцев, желающих вступить в общину и отправиться на войну. Для женщин это был едва ли не единственный способ попасть на фронт.

При общине немедленно были открыты краткосрочные курсы сестер военного времени и уже в октябре 69 человек получили звание запасных сестер милосердия военного времени. В телеграмме, отправленной в Главное управление Российского общества Красного Креста (РОКК), члены совета отмечали: «Все выдержавшие экзамены преисполнены горячим стремлением служить на театре военных действий, благоволите, поэтому скорее решить будущность нового кадра сестер» [4, л. 4]. Всего за годы Первой мировой войны краткосрочные курсы организовывались пять раз. Самый большой выпуск был в декабре 1915 г., когда экзамены успешно сдали 149 курсисток. Обучение обычно организовывалось общиной по заданию и при финансировании Главного управления РОКК. Теорию читали врачи – члены общины, а также приглашенные специалисты в зданиях Общественного собрания или Краеведческого музея в течение двух месяцев. Из-за незначительного срока подготовки на курсах читали только самое необходимое: анатомию, физиологию, хирургию, гигиену, рецептуру и краткие сведения из фармакологии, а также массаж и уход за больными. Далее шла шестинедельная практика в Иркутском военном госпитале или Кузнецовской гражданской больнице. Обычно число прошений раза в два-три превышало число окончивших испытания. Среди прошений имелось немало представительниц интеллигентных профессий, а также полуграмотных крестьянок, которые не справлялись с тяжелыми испытаниями. К примеру, на курсы, действовавшие с октября 1916 г. по январь 1917 г., было подано 205 прошений, зачислено 145, выбыло в течение обучения 65, держало экзамены 80, а удостоены звания всего 76 лиц [8, л. 34]. Кроме того, некоторое количество не окончивших курсы позднее подавали прошения, и их принимали в общину после успешно сданных испытаний. Вследствие этого трудно понять, какое количество сестер милосердия было подготовлено общиной. Исходя из списка сестер на 1 апреля 1917 г. [8, л. 14–25] и сведений о дополнительных испытаниях, отчислений мы можем утверждать, что за годы войны было подготовлено более четырехсот сестер милосердия военного времени.

По требованию Главного управления РОКК сестры группами отправлялись в резерв сестер милосердия Красного Креста, первоначально в Москву, а позднее в распоряжение главноуполномоченных при фронтах действующей армии. Перед отправлением сестрам выдавалось 150 руб. подъемных при условии, что они отработают год в госпиталях, и по 10 руб. суточных (в конце войны по 20 руб.). Уже 2 августа 1914 г. по требованию Главного управления Красного Креста были отправлены в Москву в Дворянский институт 30 сестер милосердия Мариинской общины, откуда их стали распределять по госпиталям. Так, О. Ф. Гурская, О. И. Верюжская, Н. Н. Тютрина и А. А. Эпова попали в 317-й военный полевой госпиталь в Риге, а А. М. Киреева, А. П. Рыкова, К. К. Сергеева и К. В. Соколова – в 228-й полевой запасной госпиталь, расположенный в Полоцке. Година Е. В., Мануйлова А. А., Мухачева К. А. и Пуляева Н. М. 11 августа 1914 г. были опреде-

лены в военно-полевой поезд № 139, курсировавший от прибалтийских городов до Петрограда. Приказом от 9 июня 1915 г. девять сестер Мариинской общины во главе с Р. И. Кабаковой отправлены в резерв сестер Юго-Западного района в Киев, где они проработали всю войну.

Вскоре после начала войны в Иркутске был сформирован госпиталь, позднее получивший наименование Иркутский госпиталь Красного Креста имени наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича. Госпиталь возглавил ординатор Кузнецовской гражданской больницы Павел Николаевич Шастин. Он привлек к работе в общине двенадцать сестер милосердия из Мариинской общины. Сестры отбирались особо тщательно, с учетом опыта работы. Васса Зражевская, Анна Скачкова, Анна Куликова и Афонасия Верюжская работали в госпиталях еще во время войны с Японией. Гертнер Эльза, Виник Мера и Жолцинская Елена имели уже фельдшерское образование и поэтому могли ассистировать во время операций. Полина Серебренникова, как старшая сестра в общине, возглавила сестер и в командировке на фронт [9, л. 46]. Кроме того, в амбарах Мариинской общины со времен русско-японской войны 1904–1905 гг. имелся небольшой запас белья и перевязочных материалов, которые безвозмездно были переданы госпиталю. Иркутский госпиталь был первоначально направлен в Петроград, но из-за провала наступления в Восточной Пруссии его перенаправили в Варшаву, где он был развернут на 110 кроватей в помещениях казарм Кексгольмского полка 5 октября 1914 г. Летом 1915 г. его эвакуировали в Вильно, а в октябре того же года – в Петроград.

Однако распределяли не только на фронт. Нужда в сестрах милосердия испытывалась и в Сибири. Иркутская Мариинская община сестер милосердия обслуживала Канский местный лазарет Енисейской губернии, где поочередно работали шесть человек. Первый контингент прибыл в Канск 20 ноября 1914 г. в составе В. И. Авдеевой, М. П. Гульден, М. М. Ковтуновской, А. А. Окинчиц, М. С. Толмачевой и Е. А. Шеметовой [17, с. 137–140]. С 1 января 1916 г. община стала обслуживать 170-й сводный эвакуационный госпиталь, расположенный в Заиркутном городке. Здесь обычно работало 8 человек, в числе долго работавших можно назвать С. С. Никитченко, Ю. К. Мацкевич, К. А. Окулич-Казарину и др. В Березовском военном госпитале, расположенном недалеко от Верхнеудинска (ныне Улан-Удэ), работали сестры О. К. Марковская, А. И. Олешева и Н. А. Давидсон. Конечно же, сестры обслуживали практически все военные и гражданские лечебные учреждения в Иркутске.

Благодаря официальной пропаганде в сознании русского общества сложился романтический образ сестры милосердия, готовой жертвовать всем ради счастья родины. Многие женщины шли именно за этим образом, зачастую не понимая, что их ждет трудная, низкооплачиваемая работа, далекая от идеала, так как была связана с кровью, болезнями, страданиями, руганью и прочими нелицеприятными вещами. Очень часто выпускницы ускоренных курсов настоятельно требовали отправить их в действующую армию, но попадали туда далеко не все, поскольку требовались рабочие ру-

ки и в тылу. Интересен случай, когда в Минске летом 1916 г. в резерв сестер милосердия Западного фронта явились две молоденькие сестры милосердия из иркутской Мариинской общины М. Масленникова и Т. Стародумова без необходимых документов. Оказалось, что они, не получив за молодостью лет разрешения отправиться на фронт, решились самовольно ехать в армию – настолько высок был патриотический порыв [7, л. 27–28]. Однако их не приняли и отправили обратно, сообщив общине, чтобы она более строго следила за своим контингентом.

Случаев бегства от службы в архивных делах нет, но некоторые недоразумения все-таки происходили. Например, в ноябре 1914 г. из 315-го запасного полевого госпиталя, расположенного в Витебске, самовольно ушла сестра Мариинской общины А. С. Бубнова, которую за такой проступок лишили звания и исключили из общины [4, л. 11]. Однако спустя три месяца этот же госпиталь оставляет при схожих обстоятельствах сестра А. И. Пляскина, которую Попечительский совет заставляет возвращать подъемные деньги, так как она не отработала положенного года [5, л. 33, 34, 52]. Бегство двух сестер из одного госпиталя в течение короткого времени вызывает некоторое подозрение. Вероятно, служба в данном учреждении была слабо организована. Похожая ситуация возникла с К. А. Мухачевой, которая по распоряжению ее начальника старшего врача 119-го полевого военно-санитарного поезда была отправлена обратно в общину, так как «... небрежно относилась к своим обязанностям и не желала следить за порученной ей кухнею». Однако Мухачева опередила врача, отправив в общину жалобу, где указала, что ее начальник по неизвестным причинам притесняет подчиненных, и в самое короткое время службу покинуло семь сестер [4, л. 40–41]. Вполне вероятно, что с Бубновой и Пляскиной произошла точно такая же история.

В большинстве случаев сестрам милосердия приходилось работать не покладая рук в тяжелейших условиях военного времени. Многие подорвали свое здоровье (М. Ф. Судитова, Н. М. Пуляева, А. М. Куликова и др.). Других приходилось отправлять в тыл для отдыха из-за накопившейся усталости. Описать все обстоятельства работы на фронте и в тылу невозможно, но для полноты картины воспользуемся несколькими фрагментами из писем сестры милосердия М. П. Гульден, отправленных в конце 1915 – начале 1916 г. из передового отряда Иркутского госпиталя помощи беженцам в Пинском уезде (Белоруссия). «Я Рождества ночь встречаю в одном полку, и день – в другом полку, в окопах. Я, было, захворала, и меня доктора из штаба отправили на операцию, в Питер. Утром все село узнало, и явились прощаться. Бабы, дети, солдаты, начальник дивизии ... и я расплакалась, и осталась. Будь что будет, праздники – а народ без меня! Представьте, во время обстрела, все бабы, дети бегут к сестрице и ночью и днем, будто со мной легче умирать ... Делаем баню и прачечную, рабочих рук не хватает. Так, что какая же может быть операция – подожду» [14, с. 227–228]. «Наварила я студня из 100 коровьих ног, и это было угощение мое для солдат на позициях. Вечером поехали в Дубраву к дубнинцам, где тосты были только за ир-

кутских сестер. Мы им много делаем помощи. Так, например, по 8 дней в окопах нет сахара – мы даем. Крупы мы даем, выручаем. Нет кухонь, а пополнение идет в 1000 и 3000 человек – являются к Мамаше, и пошла у меня в ночь варка и солдаты накормлены ... Баня наша полная, жара – дышать нечем, жарится солдатня» [14, с. 230]. Эти свидетельства лучше любого официального документа показывают, насколько важна была работа сестер милосердия.

Служащим Красного Креста не полагалось геройствовать, из-за чего случаи участия в боевых столкновениях достаточно редки. Однако героизм сестер милосердия выражался в другом, в жертвенности во имя спасения других. Иркутяне в годы Первой мировой войны неоднократно отличались. Например, Александра Степановна Добровольская при отступлении российских войск по собственному желанию осталась в лазарете ухаживать за тяжело ранеными воинами в оккупированном Вильно. Вместе со своими подопечными она оказалась в плену [3, л. 39]. Многие сестры за отличную службу и самоотверженные труды по уходу за ранеными и больными воинами получили правительственные награды. Так, в апреле 1915 г. глава Иркутского госпиталя имени наследника цесаревича П. Н. Шастин сообщал о награждении всех сестер золотыми медалями с надписями «За усердие» на аннинской ленте [5, л. 10]. Такую же награду получили в разное время и подопечные общины (А. М. Куликова, К. Ф. Майкова и др.). Сестра милосердия Иркутского госпиталя имени наследника цесаревича Клавдия Соколова, неоднократно работавшая на передовых линиях обороны, была удостоена Георгиевской медали – награды, которую обычно получали за подвиг, связанный с риском для жизни [9, л. 328].

Обычно к кандидаткам при вступлении в общину предъявляли высокие требования о нравственном поведении. В течение службы контроль за поведением сестер также не ослабевал. Пятно на репутации одной сестры могло перенестись и на всю общину в целом, поэтому малейшего подозрения было достаточно для отчисления от общины. В период войны контролировать сестер во время командировок было достаточно сложно, а ускоренные наборы уже не позволяли проводить тщательные проверки человека в течение нескольких лет. Вследствие этого периодически возникали конфликты, связанные с поведением сестер милосердия.

Чаще всего в делах общины фигурируют жалобы врачей на грубое обращение к раненым, к персоналу, дерзкие восклицания, нежелания исполнять свои обязанности и т. д. Так, в феврале 1916 г. по жалобе врача Иркутского военного госпиталя А. В. Трапезникова за некорректное поведение была отчислена сестра В. А. Нечаева. Год спустя за аналогичные проступки были отчислены Т. И. Матусевич, Я. И. Мазикас, А. И. Журавлева и еще ряд сестер [4, л. 40, 66]. В ноябре 1916 г. из общины была уволена К. А. Окулич-Казарина, подозревавшаяся в шпионаже, поскольку по роду службы имела очень близкие отношения с военнопленными обер-лейтенантами австрийской армии [4, л. 52, 57].

Большинство сестер были молодыми и привлекательными особами, что составляло определенную проблему. Не секрет, что многие девушки шли на фронт из романтических побуждений, вслед за своими любимыми людьми. В документах общины имеются сведения о заключении браков (Э. В. Гертнер, Е. С. Ташлакова, Т. П. Шабалина), что можно принять за подтверждение этого тезиса. Однако встречались и совершенно нелицеприятные ситуации. Например, Н. А. Юдович (Давидсон) обвинялась в половых связях с немецкими военнопленными. Правда, главный врач Березовского лагеря, где она служила, не подтвердил обвинения, но все же отправил ее обратно в Иркутск. При этом на запрос общины отметил, что имелся лишь факт общения вечером с военнопленным врачом на лестнице, что, впрочем, не исключает возможности более тесных контактов [6, л. 6–7].

Еще больший скандал возник весной 1917 г., когда на фронт в 62-й эпидемический отряд были отправлены сестры милосердия, окончившие курсы только в январе того же года. Вот, что писала о них старшая сестра О. Л. Михайлова в частных письмах члену Попечительского совета В. И. Балалыкину: «Василий Иванович, умоляю Вас сделайте какое-нибудь распоряжение, как попечитель общины или передайте госпоже попечительнице. Я прошу Вас второй раз, потому что не только нашу общину забросали грязью, а даже всю Сибирь наши сестрицы Подборных [Е. Г.] и Большедворская [А. И.], и также третья наша сибирячка Бархатова [А. М.]. У нас заведующий хозяйством грязной человек. Из-за наших сестер и заведующего наш госпиталь зовут дом терпимости... все санитары и больные только смеются, говорят, что Гришка Распутин, а Подборных гордится, что дни и ночи проводит с ним, а работать не хотят и не работают. По три дня не бывают в госпитале... целую [ночь] шляются, а... после обеда ходят в канцелярию двоя к двум и ничего не стесняются» [7, л. 157–158, 186–187]. К сожалению, в делах общины не найдено ответной реакции Попечительского совета, главным образом вследствие изменения состава совета. Осенью последовали революционные события и, вероятно, в ходе масштабных событий в стране и в Иркутске данный инцидент вообще не был принят во внимание. Такое явление еще больше показывает разложение армии на заключительных этапах Первой мировой войны. В предшествующее время ничего подобного не встречалось.

Война предоставила Мариинской общине уникальный случай по организации собственного лечебного заведения, о котором мечтали члены Попечительского совета уже много лет. Сама идея возникла в конце 1914 г., когда Министерство внутренних дел предложило иркутскому губернатору образовать особый комитет, который бы объединял и координировал работу всех общественных организаций, занимающихся помощью и призреванием воинов и их семейств. Центральный комитет через старшего врача Кузнецовской больницы Б. И. Кауфмана предложил организовать при Мариинской общине амбулаторию и лечебницу на 15–20 кроватей для подачи помощи больным и раненым воинам, возвращающимся на родину или же эвакуированным с театра военных действий. Иркутский комитет Красного Кре-

ста выделил 3 тыс. руб. на переоборудование двухэтажного помещения общины на Дегтевской улице. Первый этаж занимали сестры. Здесь же располагалась амбулатория, а на втором этаже организовали стационар. В качестве врача был приглашен Ф. И. Аринкин, ранее заведовавший лечебницей в Усолье. Работа в лечебнице и амбулатории предполагала также оказание зубоврачебной помощи и массаж. В помощь к нему определили двух сестер милосердия – Е. И. Иванову и З. Д. Мейсельман и сиделку А. А. Манькову. Кроме того, Мариинская община передает в безвозмездное пользование мебель (кровать, столики), а также большое число хирургических инструментов и электрических машин, которые в условиях войны достать в Иркутске было просто невозможно.

Амбулатория начала прием уже с 1 апреля 1915 г., хотя ремонт помещений не был еще окончен. Официальное открытие произошло лишь 17 мая. В месяц в среднем на данное лечебное заведение тратилось 400–500 руб., из которых 200 руб. составляли жалованье врача и еще 60 руб. – плата за квартиру. Из месячных отчетов видно, что лечебные учреждения при Мариинской общине, в общем, работали без перегрузки. Цифровые данные иногда отличались в разы и производились не за все месяцы. В качестве усредненного показателя можно привести данные за ноябрь 1915 г., когда было сделано ванн – 64, массажей – 403, перевязок – 299, электрификаций – 132. Принято первичных больных – 45 человек, беженцев – 9, зубных – 19, стационарных больных – 16. На повторный сеанс прибыло 640 человек. Из страдающих зубными болями на вторичный прием пришло 57 больных. Операций проводилось очень мало. В основном это удаление пальцев, вскрытие гнойных нарывов, операции на костях. Всех больных принимали бесплатно за счет Красного Креста [4, л. 15, 17, 18, 24, 33]. Интересно, что попытки расширить работу данного учреждения предпринимались неоднократно. Так, в конце 1915 г. в связи с наплывом беженцев врач-инспектор В. П. Никитенко предложил организовать им медицинскую помощь в лечебнице Мариинской общины, для чего необходимо было выселить всех сестер милосердия из занимаемого ими первого этажа. К счастью, эпидемии с наступлением холодов стали спадать, и вопрос отпал сам собою. В феврале 1916 г. в Попечительский совет обратился командир 716-й пешей иркутской дружины с предложением принимать по зубным болезням военнопленных, но совет ответил категорическим отказом [4, л. 31–32, 39–40]. С учетом того, что нагрузка была невелика, неприятие других категорий больных, кроме военных, вызывает вопросы.

Результатов стоило ожидать. Уже в сентябре 1916 г. Иркутский комитет Красного Креста поставил вопрос о существовании лечебницы при Мариинской общине. При этом Ф. И. Аринкин докладывал совету, что число стационарных больных не превышало 5–7 человек, большинство из которых требовало длительного лечения, а амбулаторных – около 3–5 человек вместе с повторными посещениями. В качестве выхода Попечительский совет предлагал оставить лечебницу, сократив зарплату вдвое врачу, но Аринкин отказался от этого. Никто из врачей не согласился на работу за столь мизерное жалование. В итоге с ноября 1916 г. лечебницу возглавила женщина-

врач Прасковья Ивановна Макарова, которая согласилась занять эту должность из-за небольшой нагрузки. Кроме того, 2–3 раза в неделю лечебницу стал бесплатно посещать зубной врач А. П. Маркевич [4, л. 56, 59]. Однако даже при всех условиях лечебница просуществовала только до 1 мая 1917 г.

События Февральской революции 1917 г. и последовавшие после нее изменения в кадровом составе властных учреждений отразились и на жизни Мариинской общины. В марте 1917 г. вслед за мужем, переведенным в Томск, Иркутск покидает попечительница общины Е. Н. Левберг, а в мае – доктор Б. И. Кауфман. Ряд лиц из состава Попечительского совета оказался в длительном отсутствии по делам службы. В результате чего возникла необходимость переизбрать состав совета. Тогда же сестрами под влиянием происходивших событий был образован Комитет сестер милосердия Мариинской общины. Комитет настаивал на уничтожении старых уставов. По его настоянию в состав Попечительского совета были введены представители комитета с правом решающего голоса – сестра Д. М. Иванова и ученица Телятьева. Они требовали от имени всех сестер избрать попечительницей женщину-врача П. И. Макарову. Вдобавок они требовали введение в состав совета известных им лиц (В. И. Балалыкина, С. А. Дружинина). На общем заседании 15 мая 1917 г. Макарова действительно становится попечительницей, но состав Попечительского совета сильно изменился. Были избраны 14 человек: священник Н. Г. Шергин, врачи А. И. Казанцев, П. Н. Шастин, Е. В. Даукшо, А. М. Хоммер и П. И. Макарова, присяжные поверенные М. С. Стравинский, Д. А. Кочнев и Н. Н. Алексеев, сестра милосердия А. А. Туманова, коммерсанты Я. Д. Фризер, Я. Г. Патушинский, М. М. Цукасов и еще несколько лиц, которых сестры называли «случайными индифферентными людьми, избранными лишь в силу партийной борьбы» [7, л. 151]. Недовольные сестры обратились в Совет народных депутатов и в Исполком общественных организаций с требованием переизбрать состав совета и ввести в него Балалыкина. В течение целого месяца наблюдалось жесткое противостояние, нарушившее нормальный ход дел в общине. 2 июня 1917 г. положение усугубляется тем, что попечительница общины П. И. Макарова ушла со своей должности, поскольку ее муж, работавший в Иркутском военном госпитале по мобилизации, получил возможность уехать обратно в Читу. На ее место была избрана А. А. Туманова, окончившая ускоренные курсы в 1915 г. Ей удалось отстоять законность выборов Попечительского совета и вынудить добровольно уйти из общины наиболее непримиримо настроенную сестру Д. М. Иванову [7, л. 143]. Благодаря этому удалось уладить конфликт, подтянуть дисциплину и создать благоприятные условия для работы.

До конца осени 1917 г. Мариинская община функционировала в прежнем режиме. Во время же декабрьских событий 1917 г. в Иркутске, когда в центре города развернулись боевые действия и велась стрельба, Попечительский совет принимает решение об открытии в разных частях города три перевязочных пункта [8, л. 35]. Было зарегистрировано 568 средних и тяжелых ранений. К сожалению, архивные сведения не проливают свет на деятельность сестер милосердия Мариинской общины в этот период. Однако,

поскольку что здание общины на Дегтевской, 13 (Российская) было в эпицентре событий, на территории, которую контролировали красные, наверняка повозки Красного Креста, которые большевики использовали для вывоза раненых и доставки продовольствия и боеприпасов в Белый дом, принадлежали именно Мариинской общине [13, с. 31]. Впрочем, управление общины явно не симпатизировало деятельности красных, а стояло на стороне законности и порядка.

После боевых столкновений положение в общине оставалось напряженным. Чтобы не провоцировать большевиков, было решено воздержаться от созыва общих собраний. Вплоть до конца лета 1918 г. Мариинская община сестер милосердия жила чисто хозяйственной жизнью.

Как известно, 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске был подписан позорный для России мирный договор. Демобилизация началась еще раньше. Часть сестер оказались вовлеченными в события разворачивающейся Гражданской войны в европейской части России и в Западной Сибири. Немало было и вернувшихся обратно. Обычно сестрам выдавалось удостоверение, в котором значилось место прибытия и дополнительно содержалась просьба к начальствующим лицам и общественным организациям о содействии в пути. Из 390 сестер милосердия, числившихся в апреле 1917 г. в Мариинской общине, в начале 1919 г. осталось всего 40 человек. Гражданская война и последующие преобразования привели к тому, что итоги работы общины за период 1914–1918 гг. явственно не проявляются.

На основе имеющихся данных стоит сказать, что иркутская Мариинская община сестер милосердия в годы Первой мировой войны провела грандиозную работу по подготовке среднего медицинского персонала. Подопечные общины работали на всех театрах военных действий, в различных госпиталях страны. При этом они полностью обеспечили кадрами и местные медицинские учреждения. Удалось реализовать план организации лечебницы при общине, но, к сожалению, сохранить это учреждение Попечительский совет не смог. Преобразования, последовавшие после Февральской революции, привели к развалу работы в общине, образованию оппозиционного Попечительскому совету Комитета сестер милосердия и длительной конфронтации между ними. Конфликт удалось урегулировать только летом 1917 г. Конец Первой мировой войны совпал с началом Гражданской войны, в результате чего иркутские сестры милосердия оказались разбросанными по различным регионам бывшей Российской империи.

Список литературы

1. Барлукова А. А. Из истории международного Красного Креста в Иркутской области / А. А. Барлукова // Прибайкалье в правовом поле России: мат-лы студ. науч.-практ. конф. (Иркутск, 29 марта 2013 г.). – Иркутск : БГУЭП, 2013. – С. 108–111.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 290. Оп. 1. Д. 7.
3. ГАИО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 11.
4. ГАИО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 16.
5. ГАИО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 29.
6. ГАИО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 45.
7. ГАИО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 47.

8. ГАИО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 55.
9. ГАИО. Ф. 766. Оп. 1. Д. 1.
10. Иркутск и иркутяне в Первой мировой войне: Исследования и материалы. Коллективная монография / [под ред. Ю. А. Петрушина]. – Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2014. – 448 с.
11. Иркутские повествования. 1661–1917 годы : в 2 т. / авт.-сост. А. К. Черников. – Иркутск : Оттиск, 2003. – Т. 2. – С. 307–309.
12. Малоземова А. И. Из истории здравоохранения в Иркутской области / А. И. Малоземова. – Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1961. – 180 с.
13. Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири / П. А. Новиков. – М. : Центрполиграф, 2005. – 416 с.
14. Первая мировая война в документах Государственного архива Иркутской области : сб. док. / сост. О. Т. Базалийская, Е. В. Ильина, М. В. Михайлова. – Иркутск : Оттиск, 2014. – 272 с.
15. Рекунова В. М. Иркутские истории / В. М. Рекунова. – Иркутск : Оттиск, 2012. – Ч. 1. – 400 с.
16. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / Н. С. Романов. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. – 560 с.
17. Список сестер милосердия РОКК, назначенных для ухода за ранеными и больными воинами в лечебных учреждениях Красного Креста, военного ведомства, общественных организациях и частных лиц (по сведениям на 1 авг. 1915 г.). – Пг. : Гос. тип., 1915. – 924 с.
18. Федотов Н. П. Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири / Н. П. Федотов, Г. И. Мендрина. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1975. – 260 с.

Irkutsk Maryinsky Community of Sisters of Mercy of the Red Cross during the First World War

V. A. Shalamov

Moscow State Linguistic University Eurasian Linguistic Institute, Irkutsk

Abstract. On the basis of a wide range of archival materials the article reveals for the first time the activity of Irkutsk Maryinsky community of the sisters of mercy in the First World War. The author focuses on the recruitment process. Particular attention is drawn to the work of the sisters of mercy at the front and in the rear. Besides, the author considers changes that occurred in the community after the February and October revolutions.

Keywords: Russian community of the Red Cross, Irkutsk Maryinsky community of the sisters of mercy, the First World War, history of public health services in Eastern Siberia.

Шаламов Владимир Александрович
кандидат исторических наук,
доцент, кафедра истории, философии
и социальных наук
Евразийский лингвистический инсти-
тут Московского государственного
лингвистического университета
66402, г. Иркутск, ул. Ленина, 8
тел. 8(950)139-80-79
e-mail: wladimir13x@ya.ru

Shalamov Vladimir Aleksandrovich
Candidate of Sciences (History),
Associate Professor, Department of
History, Philosophy and Social Sciences
Eurasian Linguistic Institute of the
Moscow State Linguistic University
8, Lenin st., Irkutsk, 664025
tel. 8(950)139-80-79
e-mail: wladimir13x@ya.ru